

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

О.М. МОРОЗОВА

**ГЕНЕРАЛ
ИВАН ГЕОРГИЕВИЧ
ЭРДЕЛИ**

Страницы истории Белого движения
на Юге России

**Ольга Михайловна Морозова
Генерал Иван Георгиевич
Эрдели. Страницы
истории Белого
движения на Юге России
Серия «Новейшие исследования
по истории России», книга 4**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23878346

*О. М. Морозова. Генерал Иван Георгиевич Эрдели. Страницы истории
Белого движения на Юге России: Центрполиграф; Москва; 2017
ISBN 978-5-227-07421-8*

Аннотация

Книга посвящена одному из основателей Добровольческой армии на Юге России генералу И. Г. Эрдели. В основу положены его письма-дневники, адресованные М. К. Свербеевой, датированные 1918–1919 годами. В этих текстах нашла отражение реакция генерала на происходящее, его рассуждения о судьбах страны и смысле личного участия в войне; они воссоздают внутреннюю атмосферу деникинской армии, содержат отрывки личного характера, написанные ярким поэтическим языком. Особое внимание автором монографии

уделено реконструкции причинно-следственных связей между жизненными событиями и системообразующими свойствами личности. Монография предназначена для научных работников, преподавателей, студентов, всех интересующихся российской историей.

Содержание

Введение	6
Глава 1. Эпоха юности и надежд: первое порекорформенное поколение	23
Конец ознакомительного фрагмента.	37

О. М. Морозова
Генерал Иван Георгиевич
Эрдели. Страницы
истории Белого
движения на Юге России

*Рукопись подготовлена при поддержке гранта РГНФ
№ 13-41-93005.*

© Морозова О. М., 2017

© «Центрполиграф», 2017

Введение

Своим появлением книга о генерале от кавалерии Иване Георгиевиче Эрдели (1870–1939) обязана хранящимся в Центре документации новейшей истории Ростовской области его запискам, датированным 1918–1919 годами. Эти письма-дневники – тексты оригинального и редкого эпистолярного жанра – в виде двух копий, рукописной и машинописной, находятся в истпартовском фонде¹. Место в описи, где указаны номера дел 1311 и 1312, заклеено полоской белой бумаги. Уже никто не помнит, по чьему приказу это было сделано. Кому понадобилось превращать эти дела в подобие мифической второй книги «Поэтики» Аристотеля? По-видимому, это связано не со странным присутствием в истпартовской коллекции записок белого генерала, а с тем, что это были любовные письма в самом полном смысле этого слова. Адресатом этих писем была Мария (Мара) Константиновна Свербеева (1870–1963), в девичестве – Олив, в первом браке с племянником Саввы Мамонтова она носила фамилию этой знаменитой семьи предпринимателей и меценатов.

Архивное дело предваряют записки двух лиц, благодаря

¹ В Государственном архиве Российской Федерации хранится находящийся в плохом физическом состоянии дневник генерала И. Г. Эрдели, который, судя по всему, и является первичным по отношению к ростовским документам (Ф. Р-9431. Оп. 1. Д. 216).

которым эти бумаги оказались в 1925 году на государственном хранении. Это – жительница Екатеринодара Надежда Васильевна Вечная и бывший деловой партнер ее мужа, а ныне советский служащий В. Пшеничный.

Мара Константиновна Свербеева год с лишним снимала квартиру в доме Вечных. Коробка с этими бумагами была оставлена у Вечной при эвакуации белых при следующих обстоятельствах. В момент выноса вещей из дома ее муж, Федор Дмитриевич Свербеев, заинтересовался этим ящиком. Мара солгала, что это хозяйский сундучок, и Федор отставил его в сторону и не уложил в экипаж вместе с остальными вещами. Ящик остался в кладовой, при большевиках во время многочисленных обысков на него не обращали внимания, а потом и вовсе забыли. Через пару лет Вечная отдала бумаги Пшеничному. Тот поинтересовался у одного из членов Кубанского ревкома, что с ними делать. Тот сказал: «Прочти, если там только любовная переписка, делай, как знаешь, если что-то контрреволюционное – передай нам». И Пшеничный забросил бумаги на полати дачного дома, в котором жил. Только спустя два года, после того как в Туапсе на чердаке бывшей дачи Сувориных, издателей популярнейшей дореволюционной газеты «Новое время», наткнулся на 25 пудов бумаг, он вспомнил об эрделевских тетрадах. За это время они сильно пострадали от воды, поэтому часть текстов оказалась утраченной. Оставшееся он просушил и принес в

архив².

Судьба подлинника была плачевной еще в 1920-е годы, о чем сообщают обнаруженные в архивах документы. Сотрудница Кубанского испарта Елена Верецкая-Полуян в записке, написанной в начале 1924 года по поводу конфликта с непосредственным начальством, упоминала, что у них имеется огромный сильно попорченный дневник генерала Эрдели. Коллегу Д. Ф. Сверчкова, к слову, старого революционера и личного друга Л. Д. Троцкого, Верецкая клеймит как интригана, карьериста и бывшего меньшевика и заключает, что по сравнению с ним «этот белогвардеец» куда чище!³

С одной стороны, эти записки – ведущийся синхронно событиям жизни дневник, с другой – письма, адресованные другому человеку. Эти толстые тетради отсылались с оказией Маре Константиновне Свербеевой, женщине, с которой у генерала был длительный роман. В силу сложившейся между ними атмосферы единения содержание записок исключительно многообразно: от событий военно-политической жизни до подробностей интимных переживаний и физического состояния генерала. Иван Георгиевич подчеркивал, обращаясь к Маре Константиновне: «Я пишу не отвле-

² Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИ-РО). Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 6, 7.

³ Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 157. Л. 37.

ченно, всегда пишу тебе и для тебя»⁴.

Как правило, большинство писем и дневников носит контекстный характер. Их содержание исчерпывается описанием происходящего вокруг человека. И лишь малая их часть относится к исповедальному типу. Так реализуется человеческая потребность высказать наиболее сокровенные мысли и чувства и тем самым разобраться в себе, в происходящем, определиться с оценками и со стратегиями поведения. Подобные тексты несут наиболее полную информацию о мировоззренческих и психологических особенностях человека.

Если говорить о дневниках, то по времени возникновения более ранними считаются записи контекстного характера. Затем, по мере эмансипации человеческой личности, развития интереса людей к самим себе появляются глубоко личные, предельно откровенные тексты ежедневных записок. Вторая половина XIX – начало XX века – время наибольшего расцвета дневникового жанра в России. Ведение ежедневных записей в тетрадках или даже на клочках бумаги превратилось во всеобщее поветрие. Дневники вели не только чиновники, офицеры, деятели культуры, священники, образованные женщины из высших и средних слоев общества, но и кучера, приказчики, горничные, рабочие и даже крестьяне. Отдельные примеры такого рода приходилось встречать среди архивных бумаг.

Люди стали почему-то ценить всякие, даже мелкие движе-

⁴ ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 186–187.

ния своей души и стремились зафиксировать их. У одних это получалось емко, глубоко, ярко, у других этот важный для них миг жизни был зашифрован в виде незатейливой фразы типа: был у Петра, много говорили за жизнь.

Традиция ведения дневника предполагала, что в особых случаях он мог быть дан другому лицу для прочтения. Это была форма крайнего доверия, которая могла укрепить отношения, а могла и расстроить, ведь в дневнике раскрывалась вся голая, неприкрытая, а подчас и безобразная правда о человеке. Объяснить природу этого мазохистского духовного эксгибиционизма поможет фраза из так называемого «тайного» – для себя – дневника писателя Л. Н. Толстого. 9 июля 1908 года старый граф записал, все кинулись писать его биографию, но что можно понять в нем, не зная «ужасной грязи» его интимной жизни: «А это очень важно, и очень важно как наиболее сознаваемый мной, по крайней мере, порок, более других заставляющий опомниться». Вот это «*опомниться*», стать лучше двигало многими авторами дневников исповедального типа. Другим поводом могло быть желание оправдать и оправдаться. Третьим – поделиться с оценками, оформить позиции по ключевым вопросам посредством диалога с самим собой или с воображаемым собеседником или оппонентом.

Записки Ивана Эрдели не менее откровенны, чем «тайный» дневник великого писателя. Но причина была иной. Мара Сverbеева стала центром мироздания Эрдели по числу

нитей, связавших их. Клубок образов и ощущений, ассоциировавшихся с ней, отличаясь оттенками, наполняет собой значительную часть дневников. Без этой страсти не было бы самих текстов, ни их глубоко эмоционального и весьма информативного содержания. Эрдели – человек исключительно творчески одаренный, у него изумительный стиль речи, который он демонстрирует на страницах своих записок, поэтому его записки оригинальный литературный, а не только исторический памятник.

Находясь в разлуке с предметом своей страсти, Эрдели практически ежедневно находил время, чтобы делать записи в толстые тетради (он их называл «листочками»), которые пересылались с оказией Маре Свербеевой. В некоторые дни, а такие случались нередко, он делал записи в 9 часов утра, в 3 часа дня, в 12½ часов ночи – всякий раз, когда у него была свободная минута. И эту минуту он предпочитал проводить наедине с тетрадью, то есть с Марой. Он желал, чтобы тогда, когда его «листки» окажутся в руках Мары, она знала, что он думал и чувствовал. Потребность в этом была столь велика, что во время 1-го Кубанского (Ледяного) похода 24 апреля 1918 года в течение дня он написал более 1600 слов. Иван Георгиевич заносил на бумагу все свои мысли и чувства, посещавшие его в течение дня. Это были реакции на произошедшие события, рассуждения о будущем и смысле его участия в войне; ей он поведывал о состоянии своего здоровья и со страстью описывал свои чувства и желания, объектом ко-

торых была она. Так он старался сохранить духовную связь с ней. Эта цель побуждала его быть максимально откровенным с Марой: «...Тебе-то я свое нутро выкладываю начистоту, понимаешь...»⁵

Запискам Эрдели присуща характерная для дневниковых записей противоречивость оценок. Человек, перемещаясь из одной роли в другую, смотрит на ситуацию то так, то иначе. Примером может быть короткий отрывок, датированный 2 мая 1918 года (все даты дневника приведены по юлианскому календарю):

«...Теперь я вижу, что России действительно настал конец, нет ее, а лишь жалкие куски великого целого остались. А Московское государство – такая насмешка какая-то, ужасно. Какое безысходное горе, какое крушение лучших чувств гражданина и сына любимой родины. А да черт с ней, с этой родиной, дряблой и противнейшей, мне нужна ты, если ты жива и цела, тогда все есть, и родина, и солнце, и свет, и радость, и жизнь, а нет тебя – никого нет и ничего нет, пустота и бессмысленность. <...> Я действительно одинок? Хоть бы разрешить мне эту загадку. Уж тогда, по крайней мере, если я остался один, то чего мне добиваться, кому служить, к чему стремиться? Зачем мне Добровольческая армия, Россия, идея? Все мелочь и пустые забавы. Не мелочь – собственная душа и смерть – вот что остается

⁵ Там же. Л. 124.

главным»⁶.

В мемуарных текстах, как правило, отражено устоявшееся за годы мнение: его определенность освящена количеством высказываний на этот счет. Дневник же передает живость реакций, которые стремятся успеть за изменяющейся жизнью. В марте 1918 года с перерывом в несколько дней генерал отразил в дневнике весьма различные чувства по отношению к кубанцам и конкретно В. Л. Покровскому. Тогда, когда кубанские казаки не без влияния Покровского отказывались подчиниться Корнилову, Эрдели посыпал голову пеплом, корил себя, что совсем недавно помог им в организации армии и поддержал выдвижение на пост командующего вместо себя Покровского, и надеялся, что тот поставит общее дело выше личных вожделений, хотя и не обольщался насчет его личных качеств. Вскоре Корнилов собрался поручить ему переформирование отряда Покровского для создания полноценной кавалерийской части. И тут генерал превзошел себя, сокрушаясь по поводу участия в «хирургической операции» над теми, кто еще недавно принимал его как гостя, с тем чтобы подчинить их воле общего командования⁷.

К этой категории текстов относится и отрывок из дневника, датированный 20 мая 1918 года, помещенный в приложении к книге. Он емко показывает особенности мышления генерала, его настроения в конце 1-го Кубанского похо-

⁶ Там же. Л. 151, 156.

⁷ Там же. Л. 100, 106, 139.

да, оценки запутанной на тот момент ситуации, связанной с присутствием германских войск, и многое-многое другое (приложение № 2).

События текущей военно-политической жизни и суждения видного белогвардейского военачальника представлены широко на страницах этих писем-дневников. Генерал от кавалерии И. Г. Эрдели – офицер блестящей военной карьеры. Место в армейской иерархии сделало из него одного из отцов-основателей Добровольческой армии. Уровень информированности делает его оценки текущей ситуации, отраженные в записках, датированных весной 1918 – летом 1919 года, бесценными именно в связи с их дневниковым характером. На страницах писем много неожиданных, в том числе и нелицеприятных характеристик отдельных политиков, командования и движения в целом.

Некоторые страницы дневника имеют все признаки травелога – отчета о путешествии. Для того чтобы Мара хорошо представляла его маршрут, он чертит план своих поездок, указывает станции и населенные пункты и то, каким транспортом он преодолевал эти расстояния.

Генералу удавались чудесные путевые зарисовки. Например, будучи главноначальствующим на Северном Кавказе и направляясь по железной дороге из района Кавказских Минеральных Вод в Кизляр, он занес в дневник 18 мая 1919 года свои впечатления от видов, открывавшихся из окна его вагона:

«7 часов утра. Проснулся рано, думы одолели, не спится. Чудное утро. Едем по зеленым степям, покрытым травой, цветов много, сено уже косят. Ширина необъятная. Виден Терек, а за ним синеют предгорья Кавказа. Станции вдоль Терека в садах утопают, а между деревьев видны колокольни церквей, и кресты золотятся на солнце. Так все свежо, так ярко чувствуешь, что весна, что утро, что дождик был ночью – перестал, и теперь все искрится, все сверкает, все живет, радуется. <...>

Мара, сейчас едем, и целое поле белых и лиловых ирисов. Как хорошо, никогда этого не видел. Потом боярышник цветет чудно, но красный, кровавого цвета цветочки – удивительно. Лошади пасутся, жеребята скачут кругом матерей. Пастухи-мальчики в огромных папах лежат в траве на животах, задравив пятки кверху, и глазят на поезд точно зверьки. Сейчас Терек совсем близко, другая сторона, чеченская, уже гористая, и так вспоминается, помнишь: „По скалам струит Терек, Плещет мутный вал, Злой чечен ползет на берег, Точит свой кинжал“»⁸.

И спустя два дня по дороге из Кизляра в Порт-Петровск генерал продолжил свои путевые заметки в состоянии восторга от бурной южной весны:

«День дивный. Солнце. Все луга полны цветов, аромат удивительный; фазаны вырываются при проходе поезда. Горы здесь мягких очертаний все в зелени и коврах незабудок и

⁸ Там же. Л. 86–87.

маков. Боярышник всюду цветет и точно снежные кусты. Горные речки после дождей вздулись и стремятся, захлебываясь в мутных потоках. Красиво, а тебя нет со мной, милый, и все мне наполовину»⁹.

В разлуке ему не хватало внимающего собеседника в лице Мары Константиновны. Дневник заменял ее. Ему он повеял свои сокровенные мысли и чувства. 18 февраля 1919 года, находясь в Баку для переговоров с английским командованием о судьбе русского военного имущества в Закавказье, переговоров неудачных и тяжелых, он записал удивительный по силе и эмоциональности монолог:

«Скорее бы вон из этого Баку, кошмарного, ужасного, ненавистного; скорее к тебе, к твоей любви, к ласке, нежности, растаять около тебя, вылить душу свою, оскорбленную и униженную, чтобы ты поняла меня. Слиться душой с тобой, говорить с тобой одним языком, одним чувством, одним разумением, – чувствовать в тебе свое второе „я“, чувствовать в тебе ответ на все-все. И самому отвечать на все тебе, моему сокровищу, моей единственной в жизни женщине – человеку, которую я понял, которая меня поняла и полюбила и которую я полюбил – истинной и единственной в моей жизни любовью. И опять чем дальше, тем определеннее, тем вернее и тверже все становится, что нет жизни без тебя, и когда я без тебя, то так и говоришь себе, что это переходное время а настоящее время, – когда около

⁹ Там же. Л. 93.

тебя, когда с тобой, и не мыслится иначе. Ты чувствуешь, понимаешь, как я тебя глубоко, серьезно люблю, Марочка. Целую тебя, милый мой, ложусь спать. Христос с тобой»¹⁰.

А за окном номера гостиницы в Баку февраль 1919 года. Во Франции готовится к изданию роман Марселя Пруста «Под сенью девушек в цвету». А знаменитый роман «Улисс» ирландского писателя Джеймса Джойса будет издан только через три года. Но записи реальных переживаний реально-го человека представляют собой текст той же художественно-эстетической природы: фиксация мыслей, образов и эмоций на много-много страниц и почти без знаков препинания. Интуитивно белый генерал переоткрыл для себя модернистский литературный метод, впоследствии названный потоком сознания – изложение как литературного текста вереницы мыслей, соединенных странными и далеко не очевидными ассоциациями и связками.

То, что это произошло на русской культурной почве, не случайность. Первопроходцами в описании и дешифровке видений и снов были не З. Фрейд, не М. Пруст и не Дж. Джойс. Нигде нет такого обилия снов, как в произведениях Ф. М. Достоевского. Писателю удавалось очень точно передавать чувства, думы, фантазии, сны людей, потерявших опору в реальном мире. Внимание русской литературы к человеческому подсознанию, к отслеживанию неосознаваемых импульсов, поступков и эмоций продолжилось в период Се-

¹⁰ Там же. Л. 13.

ребяного века. Техника потока сознания, экспрессивность и алогичность образов обнаруживается в «Мелком бесе» Ф. Сологуба, «Петербурге» А. Белого.

Иван Георгиевич пересказывал в своем дневнике некоторые свои сны, в основном носившие эротический характер. Именно в этом русле шли эксперименты западноевропейской модернистской литературы. Мир не такой, каким он выглядит, утверждала новая физика А. Эйнштейна. Общество и литература откликнулись: нельзя доверять чувствам, эмпирическому восприятию понятий о времени и расстоянии, о добре и зле, о законе и справедливости, о природе поведения человека в обществе. Чувство личной ответственности и долга было подорвано. Наступило время моральной анархии. Это было начало широкого экспериментирования и в скрытых сексуальных эмоциях. Внутренний монолог, в котором смешаны и ощущение героя, и то, что он видит, и мысли с ассоциациями, вызванными образами, которые возникают, вместе с самым процессом их возникновения, стал новым средством проникновения во внутренний мир человека, давая особый взгляд на индивидуальность человека и на окружающий мир в целом.

Мара Свербеева вызывала у Эрдели сильнейшее физическое влечение. Глубоко личные переживания генерал заносил в дневник. Вот пример подобного рода из записи за 22 мая 1918 года:

«Подчас представляется, как ты повязываешь головку

на ночь, как голыми ножками в ночных туфельках ходишь, как в лорнет смотришь, как хорошо и элегантно одетой сидишь, перелистываешь что-нибудь, читаешь, и серьезные складки по лбу, и милая головка склоненная, породистая, а затылок и шея в волосинках любимых, и прическа нехитрая, а на руках обручик мой – и весь твой облик гармонический. Породистый, милый... И так потянет к тебе, к твоему обаянию женщины, привлекательности, простоты, ласки, ума, нежности и чудной женственности. Через четыре дня [будет] пять лет нашей любви. А я не могу ни поздравить, ни обручика подарить. Если мы встретимся, я тебе подарю обручик из черной эмали, узенький и плоский, как символ тяжкого года 1917–1918, когда мы пережили столько ужасов и страданий, душенька моя»¹¹.

На страницах дневника мы можем встретить и более интимные воспоминания и эмоции. Во время командировки генерала в Закавказье Мара тяжело болела. Эрдели очень переживал по поводу ее здоровья, надеясь, что к его приезду все останется в прошлом. Генерал действительно не смущался своей любви и этих отношений. В одной из тетрадок он упомянул, что допускает возможность чтения дневника другими лицами. Его содержание он видит вполне достойным, ведь кроме интимных страниц в нем немало высоких мыслей о благе родины.

Сохранившаяся часть бумаг охватывает с перерывами пе-

¹¹ Там же. Л. 169–170.

риод с весны 1918 года, когда Эрдели принимал участие в Ледовом походе, до лета 1919 года, когда генерал стал часто бывать в Екатеринодаре. Общий объем сохранившегося текста более 70 тыс. слов. Эрдели упоминал в тексте, что дневники, которые он вел до осени 1917 года, были зарыты его денщиком Андреем в сарае усадьбы Яновых в Новочеркасске. Кто знает, может быть, они до сих пор где-то там. А письма Мары к нему были им спрятаны на чердаке дома Яновых: генерал боялся, что хозяева уничтожат их после прихода большевиков. Судьба этих бумаг неизвестна. Вероятно, что за прошедшие почти сто лет они уже были обнаружены при ремонте, перестройке или сносе дома, но у никого из наших не возникла мысль позаботиться об их дальнейшей судьбе.

Поскольку дневник известен в виде копий – рукописной и машинописной, то в тексте накопилось изрядное количество ошибок и опечаток. В ходе работы с ним были выявлены искажения, вызванные тем, что переписчики ошиблись в понимании ряда мест дневника и привнесли свою их трактовку. В архивном тексте недостает знаков препинания, что также затрудняет понимание его содержания. Все это потребовало определенной работы по реконструкции изначального смысла текста при сохранении характерной лексики и стиля автора документа. В связи с этим в книге осуществлено цитирование уже отредактированного текста.

Наряду с главным источником из ростовского архива бы-

ли использованы отдельные документы из фондов Тамбовского и Одесского областных архивов.

В 1994 году в Государственный архив Тамбовской области в соответствии с завещанием В. К. Андреевской была передана собранная ею и ее мужем В. М. Андреевским подборка эмигрантской периодики. Владимир Михайлович Андреевский был крупным тамбовским помещиком, избирался предводителем дворянства Кирсановского уезда, а затем и Тамбовской губернии; в 1906–1917 годах состоял членом Государственного совета. Важно то, что Вера Константиновна Андреевская (урожд. Олив) была родной сестрой Мары Константиновны Свербеевой.

Справочные материалы к фонду Р-5328 дают представление о том, когда и как М. К. Свербеева с детьми покинула Россию, какую жизнь вела в эмиграции. Среди документов этого фонда принадлежащие Андреевскому тексты автобиографического характера, немного фотографий и большое количество разобранных по темам вырезок из белоэмигрантских газет за 1928–1958 годы. К сожалению, в фонде практически отсутствуют письма и личные записки Андреевских, но имеются фотографии сестер Веры Константиновны и Марии Константиновны, сделанные до революции в Петербурге и в период эмиграции во Франции.

В Государственном архиве Одесской области (Украина) хранится семейный фонд Эрдели, поступивший туда на хранение в 1921 году из имения Мостовое Ананьевского уез-

да Херсонской губернии. Имение принадлежало Владимиру Яковлевичу Эрдели и его потомкам. Владимир Яковлевич приходился Ивану Георгиевичу Эрдели родным дядей.

Основная масса документов этого фонда относится к другой ветви семьи Эрдели, поэтому сведений об Иване Эрдели и его родителях обнаружено там немного. Самой ценной находкой оказались «Советы моим детям» – рукопись, обозначенная в описи как анонимная. Первое же знакомство с нею позволило признать в ее авторе Георгия Яковлевича Эрдели – отца генерала И. Г. Эрдели. «Советы» содержат наставления финансового и карьерного характера, составленные главой семьи в предчувствии скорой смерти. В рукописи изложено немало суждений по вопросам усадьбного хозяйства, что позволяет оценить уровень материального достатка семьи, а также составить представление о распространенных практиках ведения дел, применявшихся наиболее успешно приспособившейся к товарному производству частью южно-русского дворянства. Этот текст образует и более широкий контекст – характерные для ответственного отцовства той поры представления о воспитании молодого дворянина. Этот документ показывает, в какой среде родился и вырос будущий генерал, какие качества в нем хотел видеть его отец и какой методе формирования личности он должен был быть подвергнут в процессе взросления.

Глава 1. Эпоха юности и надежд: первое пореформенное поколение

Русское дворянство пополнялось выходцами из других земель. Немало служивых людей приходили из Литвы, Германии, Италии, Польши и оставались в русских княжествах, потом в Московском государстве и в Российской империи.

Фамилия Эрдели происходит от венгерского названия Трансильвании – гористого района на севере Балканского полуострова, на котором веками развивалось соперничество Австрии, Венгерского государства и Турецкой Порты. Длительное время жизнь на этой окраине христианского мира была беспокойной, поэтому все уроженцы этих мест были чрезвычайно воинственны. В начале XVI века Трансильвания обрела государственное оформление, но вскоре признала в 1566 году вассальную зависимость от турецкого султана. В это время Трансильвания становится оплотом протестантизма на востоке Европы. В 1687 году в ходе неудачной для турок войны с Австрией княжество Трансильвания было занято войсками Габсбургов. Начался процесс интенсивного окатоличивания. Трансильванские протестанты из старых местных родов отодвигались на вторые роли. И в начале 1750-х годов (называются разные даты переселения) в составе целого обоза сербских, венгерских, валашских семей

выходцев из юго-восточных районов Австрийской империи на территорию, названную Новой Сербией, позже ставшей Херсонской губернией, прибыли Шимон Эрдели и его сын, 40-летний вахмистр венгерской службы Пал Эрдели.

Как писал его потомок Георгий Яковлевич Эрдели в своих воспоминаниях: «В 1753 году из Венгрии, Сербии, Черногории, Хорватии (принадлежавших Австрии) в безбрежные пустопорожние земли Украины двинулись переселенцы, искавшие свободы и надеявшиеся начать новую привольную жизнь. Шли они полувоенным порядком, образовав два полка в количестве около 1400 мужчин (с ними шли и их семьи). Предводительствовали этими полками Иван Шевич (вероятно, серб) и Райко Прерадович (его потомки получили фамилию Депрерадовичи). В числе новопоселенцев были сербы Живковичи, Хорват (вероятно, прозвище, данное по его происхождению из Хорватии), Эрдели, Пишчевич и другие. Эрдели являлись потомками крупных венгерских земельных магнатов, не пожелавшими носить в России своего графского титула. Осели они близ тогда же основанного города Елисаветграда (ныне – Кировоград)»¹².

Павел Семенович Эрдели был принят на русскую службу в один из поселенных полков, которые были созданы из балканских переселенцев. К жизни на границе роду Эрдели было не привыкать. Там, в Трансильвании, им веками прихо-

¹² Эрдели Г. Я. Воспоминания. URL: <http://www.mosjour.ru/index.php?id=135> (дата обращения 23.03.2011).

дилось жить в постоянных походах и ожидании набегов.

Позднее род Эрдели был внесен во II часть родословной книги Херсонской губернии. Но герб был, как тогда выражались, «высочайше утвержден» лишь в 1893 году¹³.

Уже после того, как Павел Эрдели был уволен со службы в 1770 году в чине секунд-майора, его полк был влит в новый Александрийский 5-й гусарский полк, сформированный в 1773 году из македонских и далматских поселенных полков. В дальнейшем мужчины Эрдели имели особую привязанность к кавалерии, а в 1919 году главноначальствующий на Северном Кавказе Иван Георгиевич Эрдели был особо расположен к александрийским гусарам, стоявшим в Темирхан-Шуре, а с их командиром полковником И. А. Глебовым был дружен. В 1882 году шефом этого полка стал великий князь Николай Николаевич-старший. Вот как глубоко по времени уходят корни того покровительства, которое оказывал Ивану Эрдели на протяжении всех лет его службы великий князь Николай Николаевич-младший.

А пока, во второй половине XVIII века, Эрдели осваивали целинные земли дарованного царским указом участка. Они основали селения, два из них носили название Эрделевка и находились в 60 верстах друг от друга.

Второе поколение Эрдели на русской земле составили три сына Павла: Яков, Андрей и Степан. Они уже по традиции

¹³ Эрдели // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907. Т. XLI. С. 1.

служили в кавалерийских южнороссийских полках: старший в том же полку, что и отец; средний в Ольвиопольском гусарском полку; младший – в Переяславском легкоконном полку. При увольнении в отставку выше чина VIII разряда не имели.

Третье поколение русских Эрдели уже начинает выделяться на общем фоне губернского дворянства. Владимир Яковлевич Эрдели (1789–1853), ушедший в отставку подполковником артиллерии, был избран Ольвиопольским уездным предводителем дворянства.

Тот факт, что Владимир Яковлевич имел серьезную военную специальность, говорит, что его устройством в кадетское, а потом и военное училище уже было кому заниматься. По-видимому, сыграли свою роль связи отца-подпоручика.

В дворянских семьях ключевым вопросом всегда была судьба сыновей. Их наставляли, определяли на службу, следили за продвижением, способствовали по мере сил их карьере. Успешный сын был гордостью родителей. С начала XIX века детям стали давать образование, соответствующее дворянскому званию, сыновей стремились определить в кадетский корпус, потом в военное училище, дочерей – в институты благородных девиц.

Как известно из офицерской переписки примерно тех же поколений русских дворян, поступить в кадетское и военное училище было непросто, особенно на казенный счет. Чтобы восполнить картину забот семьи о мальчике-дворя-

нине, привлечем донские фонды. Полковник Донского казачьего войска Иван Самойлович Ульянов, большими усилиями поднявшийся по служебной лестнице, хотел помочь своему старшему сыну Павлу. Он, используя привилегию, на которую мог рассчитывать Павел как крестник великого князя Константина Павловича, определил его в кадетский корпус в Санкт-Петербурге и строго наставлял:

«Ты, без сомнения, знаешь, что после кадетского воспитания тебя ожидает шестилетняя кавказская служба. Я не говорю, что ты не должен служить, но мне не хотелось бы ссылать тебя в эту сторону с кадетской скамьи. Ты казак – следовательно, и без того не минешь службы кавказской. Теперь у нас есть примеры, что лучшие кадеты поступают в артиллерию, службу у нас почетную и выгодную по содержанию»¹⁴.

Отец советует сыну подготовиться по «артиллерийским» наукам, а тогда и он похлопочет доставить ему случай докончить начатое.

Опять же благодаря влиянию и хлопотам отца следующий сын, Аркадий, зачислен в не менее престижное, чем артиллерийское, строительное училище Главного управления путей сообщения и публичных зданий в Санкт-Петербурге на одну из войсковых вакансий и на войсковой счет¹⁵. Но через

¹⁴ Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 243. Оп. 1. Д. 33. Л. 163.

¹⁵ Там же. Д. 39. Л. 5.

пять лет, в 1854 году, он отчислен из него за неуспехи в науке и по просьбе отца, которую сам Аркадий и вымолил¹⁶. Иван Самойлович жаловался одному из товарищей:

*«Признаюсь, мне тяжело расставаться с надеждами, которые подавало прекрасное училище, но сын одно твердит, что у него нет способностей для головоломной математики»*¹⁷.

А Аркадию уже, что называется, вдогонку писал:

*«Мне тяжело <...> видеть, что я напрасно себя мучил, хлопоча о твоём образовании. Больно, когда подумаешь, что другие отцы едва дадут <...> случай к поступлению детям в учебные заведения...»*¹⁸

По-видимому, отцам Эрдели более повезло с сыновьями. Представители третьего и четвертого поколений русских Эрдели показывают хорошие карьерные результаты.

Статусный рост Владимира Яковлевича хорошо прослеживается даже по брачным союзам. Если первой его женой была дочь поручика, то второй – дочь вице-губернатора Херсонской губернии П. П. Брюхачева, девица на 30 лет моложе его.

Его младший брат Георгий Яковлевич (1807–1876) начинал службу уже в столичных полках – в лейб-гвардии Семёновском полку. А после отставки был избран предводителем

¹⁶ Там же. Л. 17.

¹⁷ Там же. Д. 33. Л. 242.

¹⁸ Там же. Д. 40. Л. 379.

дворянства Херсонской губернии (1871–1876). Он и стал отцом будущего белого генерала.

Первым генералом среди Эрдели был Феодосий Петрович, представитель того же четвертого поколения, что и Иван Георгиевич, но родившийся почти на 50 лет раньше, чем он, потому что между их отцами – родными братьями – была разница в 37 лет, да и «наш» Эрдели был рожден уже весьма пожилым родителем.

Это поколение Эрдели породнилось уже не только с соседями-помещиками или офицерами-сослуживцами. Александр Семенович Эрдели, занимавший в 1874–1890 годах пост губернатора Херсонской губернии, был женат на Анне Викторовне Лутковской, внучке Е. Г. Темкиной, дочери императрицы Екатерины II и князя Г. А. Потемкина-Таврического. Примечательно, что сменил его в губернаторском кресле генерал-майор Сергей Вильгельмович Олив – дядя Мары Константиновны.

Имения Эрдели находились довольно кучно – на территории Врадиевского района, названного так по имени первого владельца этих земель полковника И. Врадия, который получил их за храбрость, проявленную в войне против турок. В середине XIX века эти земли были выкуплены представителями рода Эрдели. К началу XX века имения уже были изрядно поделены между наследниками, и размер среднего эрделевского владения составлял около 500 десятин, что на юге не считалось особо крупным поместьем.

Отец будущего белого генерала Георгий Яковлевич Эрдели был самым младшим в семье подпоручика Якова Павловича Эрдели (1750–1821), имевшего к моменту его рождения в 1807 году возраст в 57 лет. Старшие братья и сестры Георгия были уже взрослыми людьми, когда тот появился на свет. Потом эта история повторилась и с его сыном-последышем Иваном, рожденным 63-летним отцом.

В завещании Якова Павловича сказано:

«Сыну моему, Георгию, сел[ение] Эрделиевку, не разделяя строений и заведений, не ставя ему того в честь, ибо на воспитание других употреблено мною немало сумм; а Георгий еще в малолетстве, для воспитания его нужны издержки. Также 75 душ мужского пола, а женского – сколько при них случится»¹⁹.

Георгий Яковлевич начал службу в лейб-гвардии Семёновском полку, затем в Невском морском полку. Несмотря на название, полк был пехотным. Он относился к числу старейших русских полков, будучи сформированным в 1706 году. В основном за годы своего существования он квартировался преимущественно в городах Прибалтийского края, в Санкт-Петербурге, Риге и Финляндии. Это справедливо и для 1830-х годов, когда в нем служил Георгий Эрдели. В отставку он вышел в чине штабс-капитана около 1838 года.

Ко времени, когда Георгий Яковлевич был энергичен и

¹⁹ Цит.: Калиновський В. Н. Рід Ерделі. Повернення із забуття. Генеалого-краєведческий очерк. Николаев, 2012. С. 63.

полон сил, относится закладка парка в имении²⁰, описанная внуком Георгия Яковлевича и его полным тезкой в воспоминаниях.

Надо упомянуть, что их автор – племянник генерала И. Г. Эрдели, сын его брата Якова Георгиевича Эрдели (1856–1919), земского деятеля и минского губернатора (1906–1912).

Георгий Яковлевич-старший построил в 1850 году в Эрделиевке и новый дом о двадцати восьми комнатах:

«На увитом виноградом западном балконе нового дома дед и его семья проводили все свободное время. Отсюда, посадив чубук и прихлебывая чай, Егор Яковлевич мог обозревать деревню, лежащую по ту сторону пруда с плотиной, и Большой шлях, спускающийся по склону горы и идущий мимо ворот господского двора. Если вдали показывался въезжающий на плотину экипаж, внушавший своим видом доверие, раздавался дедов возглас: „Эй! Люди!“ – и хлопок в ладоши. Как из-под земли выросстал казачок, выслушивал приказание, стремглав бежал за ворота, останавливал экипаж и рапортовал седоку: „Барин приказал доложить, что он очень просит, чтобы вы заехали к нему отдохнуть да отведать хлеба-соли“. Седок, проехавший уже не менее пятидесяти верст (от ближайшей почтовой станции), с удовольствием соглашался. Прием ему оказывался самый лю-

²⁰ Жизнеописание выдающихся деятелей лесного хозяйства России. Век девятнадцатый. URL: http://www.lesnyk.ru/vek19_7.html

безный. Бывало, такой случайный гость задерживался в Эрделиевке дня на два, на три.

И вот однажды казачок зазвал в дом некоего француза, который был поражен тем, что здесь, в бескрайней степи, свободно говорят на его родном языке, угощают французским вином, швейцарским и голландским сырами, чудесным кофе... Все это располагало к откровенности. Оказалось, что француз – известный садовник-художник и вызван в Россию затем, чтобы распланировать парк при одном из дворцов под Петербургом. Тут у деда блеснула мысль: „Вот кто должен разбить мой парк!“ Стал об этом говорить гостю, но тот замахал руками: невозможно, его ждут в столице! На другой день с утра – то же самое. Разошлись до завтрака. За это время дед принял решительные меры: раздалось обычное „Эй, люди!“, сопровождаемое хлопком в ладоши, и появившийся казачок получил распоряжение: „Кучера приезжего напоить в лоск, гайки от колес отвинтить, спрятать в кладовую, а ключ от кладовой отдать мне!“ Гость, позавтракав, собрался в путь, и тут ему докладывают, что его кучер пьянее дыма, а гайки от колес неизвестно где. Француз рвет и мечет, но обаятельность и любезность моей бабушки, перспектива изысканного обеда и чудесного вечера, непреклонность деда, заявившего, что пока парк не будет разбит, гайки не найдутся, а также обещание щедрого вознаграждения сделали свое дело: француз махнул рукой и принялся за дело. <...>

Будучи подлинным художником в своем ремесле, он пришел в такой азарт, что три дня его не могли оторвать от работы; казачку, посылавшемуся к нему с приглашением „откушать“, он только нетерпеливо бросал: „Да-да, прекрасно, через минуту“ – и не трогался с места. Завершив планировку, он перед отъездом целый день таскал деда за собой, наставляя, что и как надо делать дальше, и предупредил: парк по данному им подбору деревьев будет особенно хорош осенью.

И действительно, парк, вообще изумительно красивый, осенью делался просто великолепен: такой роскошной расцветки осеннего убора я нигде не встречал. Разбит он был по последней английской моде: там казался лесом с естественными лужайками, просветами, перспективами, там имел вид рощицы, там являл собой раскидистые группы дубов, ясеней, лип. Аллеи француз устроил с искуснейшим расчетом: никогда нельзя было и подумать, что идешь всего в нескольких шагах от только что пройденного места; только осенью, когда совершенно опадал лист, весь фокус открывался. Да, чудесный, замечательный был парк! Мне часто приходилось гулять по Дворцовому парку Гатчины, и я поражался его сходством с эрделиевским: возможно, именно в Гатчину спешил тогда наш француз...»²¹

²¹ Эрдели Г. Я. Воспоминания // Московский журнал. История государства Российского. 2009. № 1 (217). URL: <http://mj.rusk.ru/show.php?idar=801567> (дата обращения: 24.01.2017).

Рядом с новым домом остался стоять прежний небольшой дом, который стали называть Старым. В воспоминаниях Эрдели-внука сказано:

«В Старом же доме было семь жилых комнат. В двух отдельных жил управляющий с семьей, четыре служили для размещения гостей; большой проходной зал, где в старину плясали деды, превращался осенью в „заготовочную“: свозились телеги капустных кочанов, и несколько женщин в течение восьми-двенадцати дней шинковали капусту, солили, трамбовали в бочки; там же зимой и перед Пасхой „разбирали“ зарезанных кабанов, быков. При доме имелось два погреба. Таких я больше нигде не видел! В глубь земли уходила лестница; она вела под обширные каменные своды. В один из погребов ссыпали неимоверное количество картошки, другой был усыпан толстым слоем влажного песка, в который по осени втыкали сотни корней петрушки, моркови, так что всю зиму мы имели свежую зелень и овощи»²².

Других надежных сведений о том, как провел лучшие годы своей жизни Георгий Яковлевич-старший, нет. Хотя и сохранились его «Советы моим детям», содержащие наставления экономического и карьерного характера, в которых встречаются некоторые упоминания о том, как и чем он жил в эти годы, но они дают лишь общий абрис судьбы отставного офицера и рождают больше вопросов, чем содержат ответов. Этот примечательный документ помещен в приложе-

²² Там же.

нии к книге. Он составлен престарелым отцом семерых детей²³ в состоянии сильного беспокойства за их судьбу. Там он дает им и еще молодой своей жене Леониде Никоноровне, урожденной Тулубьевой, наставления по поводу того, как им жить после его смерти. Он был болен и не сомневался, что дни его сочтены.

Сохранилась лишь вторая часть его записок, напоминающих завещание. Они начаты 25 февраля 1871 года. Последняя запись сделана 15 июля 1875 года, за полгода до смерти Георгия Яковлевича. Записки начинаются с фразы: «Прошло два года, любезное мое семейство, как я прекратил мои заочные советы тебе!»²⁴ Заочные, по-видимому, потому, что Георгий Яковлевич, будучи избранным предводителем дворянства Херсонской губернии, стал жить в Херсоне – в 250 верстах от дома. Но возможно, что были и другие причины, и другое место обитания главы семейства. Прямых указаний на это не сохранилось.

Отчего же немолодой и больной человек согласился занять пост губернского предводителя дворянства? Ведь в своих записках о всякой выборной деятельности он отзывался так: «Не стоит брать плуг в руки ранее 40 лет или даже слу-

²³ Восьмой ребенок – Александра – умерла в 1858 году, не достигнув годовалого возраста.

²⁴ Государственный архив Одесской области (далее – ГАОО). Ф. 143. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

жить по выборам общества. Последнее вреднее первого»²⁵. Это нередкое настроение среди дворян. Представители донского казачьего семейства Ульяновых, чьи сохранившиеся фамильные архивы вызывают параллели с перипетиями эрделиевских судеб, высказывались в близкой тональности. Павел Иванович Ульянов (1828–1889) вышел в раннюю отставку под предлогом болезни и занялся хозяйством в приобретенной его отцом экономии «Мираж», расположенной в самой западной части земель войска Донского. Павел в своих письмах к отцу с большой иронией отзывался о жизни местного дворянского сообщества, отмечая его мечтательность и склонность смешивать собственное честолюбие и общественную деятельность: «чают унаследовать Царствие Небесное» и прославиться. Самому ему тоже приходилось служить на выборных должностях, но он соглашался на это только в самых крайних случаях:

²⁵ Там же. Л. 4 об.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.